

Жан Кальвин: политическая теология Булыгина О.В.

Булыгина Ольга Викторовна / Bulygina Olga Viktorovna - кафедра философии, истории медицины с курсом педагогики и психологии, кандидат исторических наук, старший преподаватель
Смоленская государственная медицинская академия, г. Смоленск

Аннотация: политический аспект теологии Жана Кальвина недостаточно освещен в современной литературе, хотя он оказал большое влияние на формирование современной демократической политической парадигмы. В статье представлены взгляды реформатора на вопросы государственной власти и законности.

Abstract: calvin's ideas influenced a lot on modern democracy, but still need adequate research. This article covers political aspects of Jean Calvin's theology, and represents an attempt to analyze reformer's views on state, government and legality.

Ключевые слова: Жан Кальвин, законность, священное Писание, предопределение, власть.

Keywords: Jean Calvin, legality, Holy Scripture, predestination, government.

Законность, свобода и суверенитет – абстрактные понятия из области философии политики, которые, по сути, и составляют парадигму власти. В политической теологии Кальвина через содержание этих понятий реализуется связь вопросов религии и государства.

Как известно, законность заключается в строгом следовании правовым нормам как со стороны подданных, так и со стороны власти. Современный американский исследователь В. Боусма на основе изучения проповедей Кальвина отмечает развитую им теорию о происходящем от бога требовании сосуществования светской и церковной законности. В комментариях на послание Павла римлянам Жан Кальвин указал назначение законности. Он комментировал следующий отрывок из послания: «вы платите подати, ибо они (правящие) – Божии слуги, этим самым постоянно занятые» [1. 13. 6]. Иначе говоря, правящие используют собранные средства для исполнения воли Всевышнего, который, если люди послушны ему, дает государству мир, силу и стабильность.

Кальвин разделял законы, по которым живут люди, на несколько групп – закон Высший и закон человеческий. «Они (два вида закона – О. Б.) расходятся лишь в мере наказания, но здесь совпадение необязательно и несущественно» [2. Т. 3, 482 - 483]. Х. Хопфл утверждает, что Кальвин вкладывал одно и то же содержание в понятия «позитивное право», «божественное позитивное право» и «естественное право». Божественный закон, или закон праведности, справедливости, имеет в глазах Кальвина первенствующее значение. Иллюстрацию тому можно найти в комментариях на послание Римлянам (9.31, 32)[5, 212 - 214]. Народ, который знает Закон, но не соблюдает его, будет наказан по Закону. Тех, кто предпочитает земной закон Божьему, верующие не принимают в свое сообщество, законная справедливость не предрекает им успеха, ибо следование земному закону подобно возвышению себя. Важно так же не ограничиваться выполнением правил, обеспечивающих выполнение церемоний. Однако истинный Закон способны познать не все, а только избранные. Бог сам определяет, кому оказать доверие. Такая недоговоренность предполагает наличие исключений из правил, которые можно описать как конфликт между законами двух видов.

Внешним выражением справедливого Закона выступает церковная дисциплина, которая распространяется на поведение людей не только в церкви, но и за ее пределами – как «контроль поведения человека во всех его проявлениях» [9, 21 - 22], т. е. церковь отвечала не только за истинность христианской доктрины, но и за утверждение соответствующего образа жизни в обществе.

Специфической формой права у Кальвина выступает договор. Понятие общественного договора (ковенанта) в широком смысле включает наличие двух или нескольких активных субъектов, взаимодействующих по оговоренным ими правилам, и отвечающих за функционирование установленного порядка. Эта ответственность выражается, в том числе, в наличии у участников права применять определенные санкции в случае невыполнения обязательств другой стороной. Договор, описанный Кальвином, является, по сути, не демократическим, т. е. основанным на равенстве и свободном волеизъявлении участников, а иерархическим.

Это вытекает из понимания реформатором сути «человеческого естественного» закона. По его мнению, если в государстве правит воля человека, это неизбежно приведет к беспорядкам и разногласиям. Во-вторых, Бог через предопределение действует так, что Его полномочия ограничены лишь отчасти. Главной гарантией для человека здесь является совершенство Всевышнего и библейская история, в которой Он (Бог – О. Б.) выполнял все свои обещания. Реформатор приводит пример, показывающий, что даже если человек оказывается неверен своему слову, Бог не отступает от выполнения соглашения со своей стороны. Когда Соломон нарушил соглашение, заключенное его отцом Давидом с Богом, и стал поклоняться другим богам (Кн. царств), Иеровоам поднял руку на царя. Всевышний через пророка Ахайю велел Иеровоаму владеть после разделения дома Давидова десятью частями его. Смысл этого события заключался в том, что Соломон поклонялся чужим богам, и Бог в наказание отторгнул царство от всех его колен, кроме одного. Однако Он уже заключил договор с отцом Соломона Давидом дать царство ему и детям его. Поэтому Соломон правил Израилем сорок лет, и на протяжении этого времени Иеровоам был в изгнании, и стал

править Израилем после смерти Соломона [2,374 – 375; 8, 171]. С другой стороны, библейская история показывает, что неверность человека данному им слову является причиной ухудшения для него условий договора. Соглашение Бога с народами и правительствами было оформлено в виде Писания. В комментариях к Новому Завету (Матф. 6, Лук. 12) реформатор утверждает, что именно через Писание дано людям Царство Божие [6, 155 - 157]. Необходимость в подобном закреплении условий договора возникла после грехопадения Адама.

Единственная возможность спасения человечества после нарушения Адамом «ковенанта спасения» состояла в исполнении «ковенанта благодати», заключенного Богом с Авраамом. По условиям этого соглашения, главным обязательством со стороны человека была его вера. Бог, со своей стороны, обещал милость не только Аврааму, но и его потомкам, заключив, таким образом, кovenant с народом Израиля. Но когда Иисус был предан и распят, Израиль потерял свой исключительный статус. Господь заключил кovenant с каждой христианской народностью, но уже на более жестких условиях, обещав спасение лишь избранным [3, 91 - 92]. Кальвин видит современных ему правителей своего рода правопреемниками библейских царей, вступавших в соглашение с Господом. Итак, Писание рассматривается реформатором как универсальный договор для всех народов и правителей, срок действия которого – до второго пришествия Иисуса, т. е., по определению Кальвина, юность человечества [2, т. 3, 215]. Таким образом, законность выражается в стремлении к исполнению Закона Божьего через исполнение закона писаного, и, следовательно, может быть только у христиан истинной конфессии [5, 231].

Ввиду наличия двух типов закона важно рассмотреть вопрос о том, как следует решать возникающие между ними несоответствия, порой доводящие до конфликтов. В письме своему соратнику проповеднику Пьеру Вирету Кальвин поясняет, что государство должно реализовывать в жизни требования истинной церкви, даже если они противоречат светским законам. В противном случае, по его словам, «на самом деле велика опасность, что тысячи душ могут погибнуть из-за детского ума одного человека» [10, 95]. Своего рода регулирующим механизмом в подобных случаях является предопределение. Современный английский исследователь Д. Гроузе выделяет два аспекта предопределения - предопределение к спасению и предопределение к знанию Слова Божьего. В случае возникновения конфликтов в государстве, по мнению Кальвина, следует прибегать к помощи избранных посредников. Вслед за библейскими пророками, в этой роли должны выступать проповедники, избранные Господом люди, понимающие условия договора [2, т.3, 470]. Посредник определяет нарушение соглашения и участвует в решении конфликтов. Его решения должны исполняться даже в том случае, если они непонятны или тягостны для одной из сторон (например, необходимость подчиняться власти деспотического правителя), так как выраженная в них воля Бога непостижима для испорченного первородным грехом человека. Здесь у исследователя возникает вопрос о том, кто определяет способность человека быть посредником. Скорее всего, реформатор считал, что наилучшим образом с этой задачей справится церковь. Таким образом, мы видим в его теории идею законности, проистекающей из Писания. Церковь через установление нравственных норм выступает опосредованным законодателем в светской жизни общества и своего рода органом надзора.

Из всего вышесказанного следует, что любая власть исходит от Бога и дается человеку в силу предопределения. В большинстве случаев это влечет за собой требование повиновения начальствующим, однако иногда является испытанием для подвластных. Например, в том случае, когда правящие действуют согласно своей несовершенной человеческой воле и нарушают заповеди Бога. Это может быть либо неверный политический курс в целом, либо отдельные несправедливые решения. В таком случае возможным и желательным становится сопротивление власти для защиты религии. Иначе, как следует из тезиса о предопределении, государство ждет упадок как показатель ошибочно выбранного политического курса. Это могут позволить себе только те, кого «Всевышний особо приобщил к себе» [2, т.3, 470].

Литература

1. Библия. СПб: Синодальная типография Санкт-Петербурга, 1906. 978с.
2. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. Т. 1 - 3. М.: РГГУ. 1997 -1999. 1700 с.
3. Ревуненкова Н. В. Ренессансное свободомыслие и Реформация. М.: Мысль, 1988. 206 с.
4. Bowsma W. John Calvin. A Sixteenth Century Portrait. N. Y., Oxford.:OUP, 1988. 378 pp.
5. Calvin J. Commentarius in Epistolam Pauli ad Romanos.// Joannis Calvini Opera Pmnia. Vol. VIII. Geneve, 1999. 573 pp.
6. Calvin J. Commentaires de Jean Calvin sur le Nouveau Testament. T. 1. Toulouse, 1892. 1131 pp.
7. Grouzet D. Jean Calvin. Vies Paralleles. Librairie A. Fayard. Paris, 2000. 416 p.
8. Hopfl H. Christian Polity of John Calvin. Cambridge, N. Y., London, New Rochelle, Melbourne, Sidney. 1982. 620 pp.
9. Kingdon R. M. The Geneva Consistory in the Time of the Calvin // Calvinism in Europe 1540 – 1620. Ed. by A. Pettegree, A. Duke, C. Lewis. Cambridge, Cambridge University Press, 1994. 283pp.
10. Potter C.R., Greengrass M. John Calvin. N. Y., 1983. 176 pp.